

ЕЛЕНА ИЩЕНКО

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФИЛОСОФ

ОБ АЛЕКСАНДРЕ САМУИЛОВИЧЕ КРАВЕЦЕ

Нет ничего скучнее «датского» текста — таковы неумолимые законы жанра. И все же надеюсь на исключение. Персона Александра Самуиловича Кравца, сотканная из противоречий, чуждая канонам и схемам, неизменно привлекающая интерес каждого, кто встречается с ним и в аудитории, и на научной конференции, дает основание для такой надежды. Последуем же вслед за нашим героем, отмечая основные вехи его биографии, пытаюсь выявить «логико-методологические основания» жизни и судьбы.

После окончания философского факультета ВГУ, впитав традиции свободомыслия и дух жарких научных дискуссий (вспомним сакраментальное «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне»), недолго поработав по специальности, Александр Самуилович поступил в аспирантуру при кафедре философии. Неожиданный — но только на первый взгляд! — поворот, определивший его судьбу в науке. В 1966 году Кравец защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые методологические аспекты в понимании природы статистической закономерности». Как оказалось впоследствии, эта работа стала творческим трамплином для дальнейших исследований, сделавших Александра Самуиловича широко известным не только в отечественных философских кругах, но и за рубежом. Глубокий философский анализ актуальной для фундаментальной науки в то время проблемы детерминизма позволил ему



вести оригинальную гносеологическую типологию вероятностей, обосновать объективную природу вероятности, специфику вероятностных законов, раскрыть многообразие отношений между причинным и вероятностными подходами. Результаты этих исследований нашли свое отражение в монографиях «Вероятность и системы» и «Природа вероятности», получивших высокую оценку у столичных корифеев. Для восторженных провинциалов всех времен («В Москву, в Москву!») признание в столице приравнялось к высшей награде. Довольно скоро, а по советским меркам, слишком скоро, в 1974 году в совете при Московском государ-

ственном педагогическом институте состоялась защита докторской диссертации «Объективные вероятностные формы детерминации». Так Александр Самуилович стал одним из самых молодых докторов наук не только в Воронеже, но и в Советском Союзе.

Не будем забывать о том, что уважение и авторитет, которые со временем приходят к настоящему ученому, основаны не только на таланте, одаренности, но и на кропотливом труде. Поразительно, но факт — будучи уже известным философом, Александр Самуилович с карандашом в руке штудировал серьезные труды по физике, чтобы не допустить в себе верхоглядства и характерной для того времени философской «снисходительности» по отношению к конкретной науке. Не за далекими от реальной науки схоластическими рецептами приходили на методологические

семинары к Кравцу маститые профессора, молодые ученые и аспиранты (составляющие цвет и гордость сегодняшнего университета). Живое биение мысли, со-причастность интеллектуальному поиску остались в их памяти, повлияли на научную карьеру.

В восьмидесятые годы внимание Александра Самуиловича привлекает новое проблемное поле, связанное с методологией научного познания. К тому времени складывается творческое кредо профессора Кравца — идти не от выдуманных и приписанных науке «диалектических» противоречий, а от ее реалий, назревших в научном познании методологических проблем, к рациональному анализу, философским обобщениям. Следование этим научным принципам позволило Александру Самуиловичу выдвинуть идею о многообразии и специфичности различных уровней методологических исследований, раскрыть роль концептуальных моделей в процессе генезиса и экстенсивного развития физических теорий. Предложенная им типология интертеоретических отношений в физике, на основании которой была раскрыта систематика физического знания, была изложена в монографии «Методология науки». Результаты этих исследований укрепили научный авторитет как самого Александра Самуиловича, так и воронежской философской школы, которая находилась тогда в стадии активного формирования. Провинциальная философия в лице профессора Кравца утверждала право на серьезное отношение к себе, преодолевая столичный снобизм и снисходительность. Ученики и коллеги Александра Самуиловича, при его активном содействии участвуя в конференциях, школах и симпозиумах в различных городах страны, неоднократно имели возможность убедиться в том, что имя их руководителя известно и уважаемо в философских кругах.

Как бы ни менялись проблемы, центром научных пристрастий профессора Кравца оставался многообразный, сложный и потому так притягательный для исследователя феномен науки. Отталкиваясь от анализа внутринаучных проблем, Александр Самуилович обращается к проблемам социокультурной обусловленности развития науки. Раскрывая содержание стиля научного мышления и его эволюцию, он исследует динамику традиций и новаций в науке, вводит представление о модифицирующих и базисных новациях, новационных циклах. Предложенное профессором Кравцом понятие социокультурной ниши науки позволило выявить взаимодействие науки с другими видами культуры, а также стратегию и тактику социального института науки в историческом развитии. Эти исследования вывели профессора Кравца на принципиально новое для отечественной философской мысли

направление, получившее в западной литературе название «идеологии науки».

Анализ феномена идеологии науки потребовал пересмотра принятой на тот момент односторонней марксистской точки зрения на идеологию. Неслучайно монография «Идеалы и идолы науки» получила во многих рецензиях определение «пионерской» для отечественной философской мысли. В этой работе Александр Самуилович выявил сущность и основные элементы идеологии науки. Общезначимые для каждого исторического этапа представления о роли и статусе науки и ученых в обществе, о нормах и идеалах научного познания, этносе науки, идеальном образе ученого — все эти необходимые для функционирования науки в обществе элементы идеологии в монографии Кравца были проиллюстрированы яркими примерами, делающими ее увлекательным чтением не только для философского сообщества, но и для представителей самых разных наук.

Наступившие девяностые годы, между прочим, были «лихими» не только для нарождающегося российского бизнеса, но и для отечественной науки, особенно для так называемых «общественных наук». На волне перестроечного упоения свободой сотрудники кафедр, так или иначе связанных с изучением общественного устройства, были объявлены «адептами тоталитарного режима». Вот когда научный авторитет Александра Самуиловича оказался поистине неопределимым капиталом, позволившим вывести университетскую философию из уготованных ей рамок служанки марксистского богословия, утвердить ее в новом статусе и качестве.

Но девяностые были и временем больших открытий — надо было осваивать все то, что было надежно спрятано в спецхранах, не переведено, практически недоступно — речь идет как об отечественном наследии (философия Серебряного века, работы философов, покинувших Россию после революции), так и о сочинениях западных авторов. Достижения мировой философии XX века требовали осмысления, так же, как и философская классика, ожидавшая новых интерпретаций. Надо сказать, что атмосфера, которая царил на кафедре философии и поддерживалась Александром Самуиловичем, способствовала такой сложной, но и радостной работе. Итоги своих размышлений преподаватели несли в студенческую аудиторию, ожидавшую нового знания и новых открытий.

Хотелось бы — попутно — отметить уникальное качество Александра Самуиловича. Неординарная личность в науке — увы, но это факт! — зачастую страдает фанатичной пристрастностью, не приемлющей чужого мнения, свысока относится к творческим поискам своих коллег. Ученикам и коллегам профессора Кравца сказочно повезло,



Обмен мнениями.
Профессора ВГУ А.С. Кравец,
Е.Н. Ищенко, А.А. Фаустов
и журналист Г.В. Полтаев

поскольку Александр Самуилович умеет отдать должное иной философской, методологической позиции, часто даже еще не самой концепции, самому подходу, а только их предварительным наброскам. С огромной благодарностью и теплотой ученики Александра Самуиловича вспоминают, каким ценным и важным оказался этот талант научного руководителя для неуверенных и сомневающихся в своих силах аспирантов. Вот почему на возглавляемой им много лет кафедре нет навязанного единомыслия, а заседания кафедры всякий раз превращаются в страстную полемику. А как же иначе?

Девяностые стали также и временем, знаковым для университетского философского сообщества – в 1996 году в ВГУ появился новый факультет философии и психологии, деятельное участие в создании которого принял Александр Самуилович. Открытие этого факультета укрепило статус Воронежского университета, поскольку – в соответствии с ломоносовским определением – классический университет обязан иметь философский факультет.

Новый творческий импульс приобрели исследования Александра Самуиловича в «нулевые» с открытием на базе ВГУ Межрегионального института общественных наук (МИОН), научным директором которого он стал. Такое назначение было абсолютно логичным, поскольку в университете профессора Кравца хорошо знали как организатора коллективных научных исследований в рамках крупных республиканских программ, победителя грантов Международного научного фонда и фонда Института «Открытое общество». Десятилетие «мионерской» деятельности не прошло даром ни для профессора Кравца, ни для его ближайших соратников, ни для гуманитарной науки университета в целом. Воронежский университет стал одним из трех первых университетов страны, где были открыты

МИОНЫ, задумывавшиеся как инновационные центры развития социально-гуманитарных исследований. Непривычный формат, нестандартно строгие правила, западная четкость и требовательность вкупе с большой ответственностью поначалу вызывали настороженность у ученых-гуманитариев, руководить которыми пришлось Александру Самуиловичу. Правда, довольно скоро обнаружилось, что слово «руководить» тут уместно менее всего. Совместный поиск, сотворчество, взаимный интерес к идеям из разных областей социально-гуманитарного знания стали фундаментом «мионовского» бытия. Неслучайно первые идеи междисциплинарных исследований и первые попытки их реализации состоялись в рамках многих «мионовских» проектов, объединявших лингвистов и политологов, экономистов и социологов, историков и философов.

Творческая неуспокоенность Александра Самуиловича, разумеется, не могла не привести его к новым научным поискам, прежде всего, к анализу феномена постмодернизма, который захватил отечественное философское пространство в «нулевые». Непредвзятость и внутренняя свобода позволили ему выкристаллизовать наиболее взвешенное понимание постмодернизма, его места в современной культуре, подняться над безудержными восторгами и яростной бранью. Монография «Понимание смысла социальной деятельности», вышедшая в 2008 году, отразила одну из составляющих наиболее интересного для Александра Самуиловича проекта – возможности создания общефилософской теории смысла, которая «не отпускает» его вот уже несколько лет. К этой идее профессор Кравец пришел благодаря своим исследованиям в области герменевтики, вокруг которых сформировалась и работает целая группа философов из разных российских городов.

Ну а раз уж статья все равно «датская», нельзя обойтись без перечисления формаль-

ных титулов. Александр Самуилович Кравец — член-корреспондент Российской Академии естественных наук, академик Академии гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, его имя включено в энциклопедические издания «Философы России XIX–XX столетий». Будучи автором множества научных и методических работ, Александр Самуилович проявил себя еще и как талантливый редактор, под его руководством и при непосредственном участии подготовлено более 15 коллективных монографий, в числе которых: «Стиль мышления как выражение единства научного знания» (Воронеж, 1982), «Детерминизм и современная наука» (Воронеж, 1987), «Диалектика творческой деятельности» (Воронеж, 1989), «Единство и связь физических теорий» (Воронеж, 1990), «Наука как социальное явление» (Воронеж, 1992), «Человеческое измерение науки» (Воронеж, 1995), «Герменевтика в России» (Воронеж, Москва, Санкт-Петербург, 2002), «Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы» (Воронеж, Москва, 2006). Много лет Александр Самуилович редактировал «Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки», а последние три года является главным редактором «Вестника ВГУ. Серия «Философия».

Плоть от плоти университета, интеллигент и интеллектуал, Александр Самуилович умудряется быть «живым классиком» в самом что ни на есть прямом смысле этого слова. Живость ума, характера, неподдельный искренний интерес к коллегам и ученикам, к происходящему в университете, составляют самую суть его неутомимой натуры. Стремление зафиксировать смыслы уходящей эпохи, поделиться с коллегами, учениками, студентами размышлениями о «времени и о себе» привело Александра Самуиловича к написанию книги мемуаров, вышедшей в университетском издательстве в 2011 году (Кравец А.С. Жизнь и творчество: публицистическая моно-

графия. — Воронеж, Изд-во Воронежского государственного университета, 2011. — 208 с.). Шаг, прямо скажем, сколь неожиданный, столь и ожидаемый. Для читателя книга, которую сам автор определил как «публицистическую монографию», представляет собой свидетельство целой эпохи, увиденной и пережитой человеком талантливым, неординарным, преданным науке, университету, близким людям. Времена не выбирают — банальность, ставшая истиной. На долю Александра Самуиловича пришлось много времен. Ключевые метки — смерть тирана, оттепель, застой, перестройка, «нулевые»... Как пишет Александр Самуилович в книге мемуаров, «на фоне нашего трагического времени, охватывающего переход из одного тысячелетия в другое, из одной экономической формации в другую, из одной России — тоталитарной — в Россию новую, демократическую, когда в ужасном безвременье сгнули в расцвете сил многие талантливые люди, можно сказать, что моя судьба сложилась счастливо». Нота сомнения явственно звучит в цитате, не так ли? Происходит она и из «цеховой привычки», и из высокой планки, устанавливаемой самому себе, без которой все — или очень многие — достижения профессора Кравца были бы попросту невозможны.

Александр Самуилович — ироник. Эта «фирменная» кравцевская ирония — разящая, но не убийственная, едкая, но не разъедающая, острая, но отсекающая только избыточное — происходит между тем из самой романтической стороны его натуры. Нравнодушие, стремление к тому «идеальному» университету, который помнится еще со студенческой скамьи, — вот побудительные мотивы его ярких и запоминающихся эскапад. А чуть на любые проявления пошлости, неинтеллигентности, глупости и пафоса у него отменное. Вот и жалит, подобно Сократу-оводу, оставляя и нам, его ученикам, надежду на возможность сохранить себя в любые времена, которые не выбирают.